

Natalia Tupikowa

Uniwersytet Wołogradzki

О СПЕЦИФИКЕ СЛАВЯНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ПУНКТАХ СМЕШАННОГО ПРОЖИВАНИЯ ДОНСКИХ КАЗАКОВ И УКРАИНЦЕВ НА ТЕРРИТОРИЯХ ПОЗДНЕГО ЗАСЕЛЕНИЯ

On Specificity of the Slavic Language Personality in the Areas of Mixed Residency of the Don Cossacks and the Ukrainians in Time of Latest Settlement

ABSTRACT: The article deals with the bilingual personality of people that is traditionally associated with the South Russian Dialects practiced by the Don Cossacks and Ukrainian migrants (their descendants) who had settled in the areas of mixed residency. The author states some factors that used to influence dialect users vocabulary, as circumstances of cultural and historical evolution, ways and norms of dialectal speech practice, processes of the language regionalization and cross-lingual (cross-dialectal) interactions, stereotypes of ethnic self-identification of a person in his/her natural linguistic environment including.

KEYWORDS: Slavic language personality, bilingualism, vocabulary of dialect users, Don and Ukrainian dialects, Podonje (area between the Volga and the Don)

Известный постулат Шарль Балли о том, что важнейшие характеристики функционирования и развития естественной речи порождены жизнью каждого индивидуума и жизнью общества в целом, служить которой и призвана речь¹, не теряет своей актуальности на современном этапе. Лексикон билингов на территориях позднего заселения юга России в полной мере является подтверждением данного постулата, поскольку выступает репрезентацией той

---

¹ Ш. Балли, *Язык и жизнь*. Пер. с фр., вступ. статья В.Г. Гака, Москва 2003, с. 24.

системности, которая отражает «пульсацию языка»² в живых условиях его существования – в пунктах смешанного проживания населения между Волгой и Доном.

Предметом специального рассмотрения в настоящей статье являются особенности спонтанной обиходно-разговорной речи коренных жителей и переселенцев (их потомков), членов русско-украинских семей на территории Подонья. Несмотря на то, что в западной части рассматриваемого региона распространены гомогенные донские (казачьи) говоры, в этих землях бывшей Области Войска Донского имеются села, где компактно проживают носители украинского языка, использующие, как они сами выражаются, «хохлячий говор»³. Исторические корни этого явления уходят в XVI–XVII вв., когда строились первые казачьи городки на Дону, представлявшие собой поселения тех, кто бежал в «дикое Поле» из разных частей России «в поисках счастья» (*казак* – «свободный, независимый человек, искатель приключений, бродяга»; *донские казаки* – «одна из ветвей казачьего народа, народ славянской речи, живущий на берегах реки Дона и его притоков; донские казаки всегда составляли особое политическое общество, возникшее из остатков донских и приазовских племенных образований»⁴). На «дикопорозжье» («пустопорозжье») земли перебирались не только русские, в основном из южных окраин, но и запорожцы, казачьи старшины и атаманы, представители украинского и других народов, получавшие (часто в пределах одной территории) большие наделы. В начале XVIII века вдоль построенной Царицынской сторожевой линии селились выходцы из Полтавской, Харьковской, Черниговской и др. губерний. Особенно усилились данные процессы в связи с началом в Нижнем Поволжье казенной добычи соли. Как на Волге и в Заволжье, так и на притоках Дона⁵ активно основывали слободы украинские первопоселенцы, сохраняя-

² В.П. Тимофеев, *Диалектный словарь личности*, изд. 2, доп., Шадринск 2010, с. 12.

³ Р.И. Кудряшова, *Слово народное. Говоры Волгоградской области в прошлом и настоящем*, Волгоград 1997, с. 7, 16, 44; Р.И. Кудряшова, Е.В. Брысина, В.И. Супрун, *Современная диалектная лексикография: проблемы и тенденции развития*, «Известия Волгоградского государственного педагогического университета» 2005, № 3 (12), с. 3.

⁴ М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*. В четырех томах, изд. 3-е, стереотип., т. 2, Санкт-Петербург 1996, с. 158; *Казачий словарь-справочник*, изд. А.И. Скрылов, Г.В. Губарев, т. I, Кливленд, Охайо, США, 1966, с. 185; *Энциклопедия казачества*, сост. Г.В. Губарев, ред.-изд. А.И. Скрылов, вступ. статья О.О. Антропова, Москва 2007, с. 109.

⁵ *Историческое описание Земли Войска Донского*, Новочеркасск 1903, с. 4; И. Кудряшова, *Слово народное. Говоры Волгоградской области в прошлом и настоящем*, Волгоград 1997, с. 18; Г.И. Маноцков, *Старинные поселения по Бузулуку*, [в:] [http // ukrvolga.seun.ru / poseleniya.html](http://ukrvolga.seun.ru/poseleniya.html) (25.06.2016); В.И. Супрун, *Коренное украинское население Поволжья и Подонья: от появления до перехода в статус скрытого меньшинства*, [в:] *Украинистика в России: история, состояние, тенденции развития: материалы Международной научно-практической*

шие в ряде случаев название того места, откуда были родом (Александровка, Семёновка, Михайловка и др.). Известно, например, что слобода Мачеха, возникшая в 1790 году в пойме реки Бузулук (притока Дона), свое название получила в память о поселении из-под Полтавы. Жители «полтавской» Мачехи относились в свое время ко 2-й сотне Полтавского казачьего полка, а на новых землях занимались преимущественно сельским хозяйством. Факты исторического прошлого отражаются в рассказах местных жителей, уроженцев сел (здесь и далее при передаче речи диалектоносителей используется упрощенная транскрипция):

А много тут украинцев? – Ну, вот так ф силе, если сказать хахлоў, значит, Мачиха, ну, Озёрка. Патом идет Калинаўка – там маскали, значит, эта рускаи мужьки, маскалями, ещё Ежоўка. Значит, эта Александроўка – там, ўде украинцы, и вот эта зона калхозная, ана в аснавном украинская. – *А почему Мачехой село называется?* – Ну, ўаварят, шо название ей... Я так наскалька знаю, українкае пирисиленцы, вот каторьи приехали. – *Откуда приехали?* – Ну, я точна ни скажу для Мачихи, но, думаю, шо с Полтаўскай ўубернии. Вот у нас сило за речкай былб. Эта Зилёноўка [Зяновка! – Н.Т.]. Так там выхоццы были ис Полтаўскай ўубернии. И ани дажэ ездили, ани большэ паддержывали свая с родинай. Ездили и ужэ в наше время туда на родину. И у них там и роцвинники. И ўовар у них был сильнее українский. <...> Ничево тут не былб. И зимля аказалась довольна ниприветливой для первых пирисиленцыф. Ну, чирназём-та чирназём, но дикая природа, ничиво не былб. Нада былб и с природай вести борьбу, а то так абжываца. Паэтаму вот и назвали, значит, Мачихай. – *И в Полтавской губернии была Мачеха.* – Есть и там Мачиха, и Зилёноўка есть там (Касьянов В.А., село Мачеха).

Специфика изучаемой языковой личности, по нашим наблюдениям, заключается в ее неоднородности, обусловленной комплексом факторов экстралингвистического и собственно лингвистического порядка: *многовекторным историческим развитием, разноплановостью проявления* в процессе общения (в том числе и в билингвальных ситуациях), *полиэффекторным механизмом продуцирования текстов*, в которых отражаются как процессы сохранения национальной идентичности, так и создания единой, непротиворечивой (в узком плане), естественной речевой среды поликультурного континуума.

Исторически система ведения хозяйства и условия жизни мало способствовали активным контактам этнических групп; на протяжении XVIII и XIX

веков не происходит значительных перемен в используемых языковых системах: выходцы из российских и украинских губерний первоначально, скорее всего, пользовались каждый своим диалектом, исключая из коммуникации узколокальные единицы; в последующем, считают исследователи, изучавшие преимущественно украинские говоры Поволжья⁶, под воздействием экономических, социально-культурных и других факторов (ассимиляции, русификации и т.д.), население могло оказываться в ситуации естественного двуязычия, когда наряду с украинским диалектом использовался русский литературный язык, превращающийся из вторичной системы в доминирующую. Преобразования второй половины XIX – начала XX вв. приводят к нарушению национальной обособленности этнических групп русских и украинцев и к интенсивной коммуникации представителей контактирующих культур. В то же время, по свидетельству архивных источников, в 1920-е – начале 30-х годов в Царицынской губернии, например, работало несколько украинских школ в местах компактного проживания переселенцев (с 1934 года всё преподавание было переведено на русский язык), русский и украинский языки использовались при обучении в одном из техникумов и др. Но важнее всего то, что жители в пунктах смешанного проживания населения продолжали общаться каждый на своем родном диалекте:

А дома по-украински говорили? – Канешна, только так. – А как Вы переходили с украинского на русский? – Ну, канешна, между собой ни пирихадили, мы ўаварили так па-украински, а кромі, ф класси, мы ізъяснялись, каўда спрашывали, мы атвичали фсё па-руски» (Касьянов В.А., село Мачеха).

Отражаемые в рассказах жителей говорят о том, что, несмотря на процессы «деукраинизации», особенно в годы раскулачивания, массовую запись населения в состав «русских» по национальности (не всегда с согласия лица) во время переписей и при выдаче в 20-е годы прошлого века паспортов, «волгоградские украинцы» осознают свои корни и корни своих предков:

Всё-таки писали «русские», мы [уроженцы села Семёновка – Н.Т.] писались па паспарту. А вот в Мачихе, здесь вот, до какова ўода, точна ни знаю, но знаю, с какова ўода вот сверсники мои были. И у них в паспарти было написано «украинец», вот! (Касьянов В.А., село Мачеха); А радитили аказались – эта их с Украины <переселили>. В их паспарти было, што украинци. И я был

⁶ А.П. Дульзон, *К характеристике украинских говоров Республики Немцев Поволжья*, Покровск 1927; А.А. Северьянова, *Некоторые особенности интерференции при украинско-русском билингвизме*, Ростов-на-Дону 1977.

украиниц ф паспарти. Эта кауда вот ужэ пириварачивали, а тут пиривили миня на русский. А то я вапще был украиниц (Бароменский С., село Мачеха); *У Вас в паспорте написано, что Вы украинка?* – И я украинка, напысана, и хоть мой батько русский был, у мэнэ в тому свидетильству о рождении. Мать – Юркина Мария Павловна, украинка. Шматкоф, с буквой «в», не Шматко, а с буквой «в» – Шматков Дмитрий Иваныч, русский, а мы па матэри вси украинци (Юркина В.Д., село Мачеха).

В этой связи следует сказать, что если использование украинских говоров (генетически относящихся к юго-восточному наречию украинского языка) как средства общения части населения на территориях Нижнего Поволжья достаточно полно описано в лингвистических работах⁷, то явления билингвизма в пунктах проживания украинских и русско-украинских семей в Подонье, в условиях контактирования с казачьими говорами, требует дальнейшего изучения и уточнения.

Виктор Жирмунский писал, что в современном обществе «крестьянин, говорящий на диалекте, всегда билингв (двуязычный): кроме своего родного языка, местного крестьянского диалекта, он владеет также “языком других” (“Spracheder Anderen” – по терминологии Бехагеля), с которым знакомится в школе, который преподносится ему в печати, который он сам употребляет»⁸. На территориях позднего заселения эта языковая ситуация может осложняться явлениями анклавного свойства, способствующими предотвращению нивелировки диалектов. Так, главной предпосылкой сохранения украинского говора, менталитета, фольклора, национальной кухни и т. д. ученые называют исторически сложившуюся обособленность тех, кто старался селиться отдельными от донских казаков этническими массивами (на разных берегах одной реки, по соседству или напротив и под.); идея специфической, относительно замкнутой, формы бытования украинских говоров рассматривается также с точки зрения анклавности, поддерживаемой современной ситуацией – фактором «метрополийной индифферентности», когда в данной местно-

⁷ Л.И. Баранникова, *Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации*, «Вопросы языкознания» 1975, № 2, с. 22–31; А.П. Дульзон, *К характеристике украинских говоров Республики Немцев Поволжья*, Покровск 1927; Р.И. Кудряшова, *Волгоградская диалектологическая школа*, [в:] *Россия лингвистическая: научные направления и школы Волгограда*, Волгоград 2012, с. 92–100; А.В. Миртов, *Украинцы на Дону*, Ростов-на-Дону 1930; А.А. Северьянова, *Украинские говоры Волгоградской области*, [в:] *Вопросы краеведения. Вып. 4–5*, Волгоград 1998, с. 256–259; В.И. Супрун, *Украинские говоры Волгоградской области: диалектный архипелаг*, [в:] *Вопросы региональной лингвистики: сборник научных трудов*, Волгоград 2002, с. 133–140.

⁸ В. Жирмунский, *Национальный язык и социальные диалекты*, Ленинград 1936, с. 16.

сти не культивируются нормы литературного языка меньшинства (украинского) (ср. фактор «метрополийной экспансии»)⁹.

Исследование данной проблемы на основе собранного нами материала (аудиозаписей живой спонтанной речи информантов) дает возможность утверждать: отражая стихию разговорного обихода, речь русских и украинцев – коренных жителей, уроженцев данной местности, переселенцев (их потомков), членов русско-украинских семей включает как общезначимую лексику русского языка в его устной форме, так и регионализмы, свидетельствующие о функциональном взаимодействии систем южнорусского диалекта, донских казачьих говоров (социально изолированного типа) и украинских диалектов (адаптированных в объективных социально- и культурно-исторических условиях их бытования), что сопряжено с явлениями межъязыкового (междиалектного) взаимовлияния в процессе общения населения на данной территории, ограниченной административными рамками.

Многовекторное развитие территорий позднего заселения обусловило разноплановость проявления славянской языковой личности в сложившемся социуме.

Во-первых, прежде всего, поколения потомков переселенцев (включая уроженцев местности) в разной степени представляют связь своего происхождения с украинским народом, как правило, выделяя этнографическую группу с помощью самоназвания «хахлы» (с аканьем), не имеющего уничижительной окраски:

Я вапще хахлушка, я не казачка. Я ж жыла у хахлоф, а двенацать килóметрoф там жыли казаки, но я ў Хахляндии, я хахлушка, а тут я жэ жыву сорок восьмой ўот, но ў казаки миня принимали, но как я была хахлушка, так и асталась. – *А папа с мамой оба украинцы?* – Да, обы хахлы были. Но вапще в паспорти у миня была украинка. Не хахлушка – украинка (Авилова М.Т., хутор Дьяконовский); *А у Вас родители украинцы?* – Ну, такие ж хахлы, как и мы (Астафьева К.Е., село Семёновка); *У Вас родители украинцы?* – Тош такие ш хахлы, як и мы. Да, хахлы (Корчакина М.И., село Семёновка); *Кто были родители?* – Радитили – кристьяни. Значит, ф Симёнаўки ани радились. – *Украинцы?* – Нет. Ну, нет. Ф панятии вашим ани украинцы, патаму шта ўаварили фсе, вот, хахлы, хахлачье, друўова не была. Я должен сказать, што даже понятие такое было у нас ф Симёнаўке (Касьянов В.А., село Мачеха).

---

⁹ В. Сінельнікова, *Політичні та економічні передумови появи українських поселень у поволзьких степах у XVI–XIX століттях*, «Народна творчість та етнографія» 2005, № 5, с. 100–104; Н.А. Тупикова, В.И. Теркулов, Е.С. Рудькина, *Проблемы исследования устной речи носителей русского и украинского языков в регионах со смешанным составом населения*, «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание» 2010, № 2 (12), с. 227–234.

В то же время, понимание говорящим своей этнолингвистической особенности и обособленности в иноязычном окружении остается не до конца определенным:

А в доме с женой по-украински говорили? – Нет. Ну, у нас жы какая-то смесь. Вроди бы, и по-украински, и не по-украински. Называицца «хахлы» (Повствалов И.М., село Мачеха); *Как Вас зовут?* – Девичья – Артёменка Аликсандр Якалевна, зámужняя – Щербакова Аликсандр Якалевна. Ф пасёлки у нас мноуа была хахлоф. – *А фамилия хохлячья – Артеменко?* – Нет, Артёменко – эта украинцы <...> У миня рибята спрашывали, када са мной дружыли, чужыи рибята: «Шура, а какой ты нацыи?» – ани спрашывали. Я уаварю: «Какой нацыи, ни знаю я, какой нацыи». – «Ты русская?» – «Нет, вопщим, руская с украинским» (Артеменко А.Я., село Большая Ивановка); *А Вы сами здеишние или приехали откуда-то?* – Нет, нет. Фсю жызнть тут пражыла. – *А по национальности кто?* – А нацыанальнасть – бох иё знаит кто: мать – казачка данская, атец – украинец, хахол вот мачишанский. Ну а вот я хто? Митис с двух старон адин. – *Ну и как у Вас в паспорте написано?* – А-а, руская (Александрова А.В., хутор Калиновский); *А чому Вы кажете «украинцы, украинцы», а в соседнем сели кажут «хохлы». То як?* – Ну, хахлы! Цэ ж по-культурному пишэмся украинци, а бильш пидходым до кубанских казакив, як они балакають, мы ридко слова, у нас половыну е ваших (Юркина В.Д., село Мачеха).

Во-вторых, естественный (активный или пассивный) билингвизм славянской языковой личности проявляется многопланово. Информанты (в украинских и русско-украинских семьях) могут обнаруживать владение и русским литературным языком (в его разговорной разновидности), и родным говором:

Работал учиником-жыстянщикам, а потом миня пиривили мастером, ўот был мастир, жыстянщикам. А патом миня вызываит директор. Терещинко такой был у нас: «Степан, ты знаиш, я з тэбэ хочу здилать чоловика». – Дядя Стёпа, балакай па-хахлячьи. – «Якоу ж з мэнэ чоловика зробыты хочьтэ?» – «Я тэбэ пашлю на курсы комбайнёраў в Урюпинск». Паслали на шысть месяцев. Учился в Урюпински. На комбайни. Приихал... видьте, если фсэ падробна, точна книуа будэ (Бароменский С., село Мачеха); Присаживайтесь, девочки. Так, эта ну и там, эта, чуть пиридахнёти. Садитись. Можэт, чайку вам фскипитить? А то у нас тут жылое фсё. <...> От уси ж ваши ўоршки, чи чаплыйки, яки скаваридку бэруть, дэржатели по-русски щас, а то чаплыйка була, якой мы бльници ж пэклы. <...> Ну, шо мамку звалы, ана звала свою бабу «нэнька», вот матерь, а папку ана звала «тато». Баба у нас ходыла в юбках в шыроких з оборкою и лента, казачья кофта от тут приталена, и от тут оборка була. Ну, ужэ мы захватылы полотняни цэ рубашки. Самы полотно робылы, самы еуо бэлилы на ричках. Писни всяки спивалы – и руски, и украински, и прибаутки (Юркина В.Д., село Мачеха).

Лингвистическая компетенция сельских жителей – носителей русского и украинского языков иногда поражает безупречной точностью разграничения компонентов диалектных систем:

Вы по-русски или по-украински говорили? – По-хахляцы. По-украински нет – по-хахлячи. – *«По-хахлячи» чем отличается от украинского?* – Тада у меня ш бабушка, мать жыла там, а дочка ездила, плимьяница приежжяла ка мне, к нам с Куйбышэва, ну ани паехали туды, а бабушка и ѳаварит: «Девачки, прынесите мне драбину». – «Бабушка, а чё ит такое?». – «Я вам сказала: “Прынеси драбыну”». Ну пакрутились, пакрутились, ну хто да што за драбына, а эт лесница. – *Лестница?* – Лесница была драбина. (Авилова М.Т., хутор Дьяконовский).

(слово *драбина* – в украинском языке «лестница; стремянка»; омонимично этому же слову в донских говорах – «верхние продольные брусья борта арбы»; «борт арбы в виде лестницы; длинная жердь»¹⁰).

Особо выделяются билингвы, которые в обиходно-бытовой сфере в зависимости от ситуации, чаще в русско-украинских семьях, попеременно используют разные системы:

А Вы на Украине были когда-нибудь? – Не, николы не була. – *А с детьми говорите на каком языке?* – Балакаем па-хахлячи, а пишим па-русски. – *А дети?* – Дети такжэ балакают. – *А внуки?* – И внуки, и правнуки, и фсэ такжэ балакают (Домородова А.М., село Семёновка); Значить, Юркина Валентина Дмитриевна, питидесятоѳо ѳода раждения...Мать вышла як українка, пысалась Шматкова Мария Пална. Вышла замуж за донскоѳо жэ казака – Шматкоф Дмитрий Иванович. Нас было двое дитѳэй – сестра Тая и я. Значить, жылы', дык так: батькови отвичалы на рускам языке, а матѳери отвичалы на украинском языке. Блюда ѳотовыла она свои, украинские, вин просыв свои, як казаки ѳотовылы. Ну, если ссора яка-нибудь произойдѳе или лаѳоця, то обязательно она по-своему, а вин по-своему (Юркина В.Д., село Мачеха); *А с детьми на каком языке говорите?* – Так жэ, па-хахлячки. – *Разумеют?* – Ну, а чё ш. – *Вы с ними по-своему, а они как?* – Теш па-своему. – *А с внуками?* – Они в горади. А балакают так жэ, як все (Астафьева К.Е., 1938, с. Семёновка); *Фамилия у Вас по мужу, да?* – Да, па мужу. – *А муж кто по национальности?* – Он украинец, из Днипрапитровской области <...>. – *Разговаривали с мужем Вы на русском языке?* – На рускам. – *Он знал русский?* – Но Ваня, как палучалась: и на руском, каѳда на украинском,

¹⁰ А.П. Загнітко и др., *Великий сучасний російсько-український українсько-російський словник*, Київ 2008, с. 535; *Словарь донских говоров Волгоградской области*, под ред. проф. Р.И. Кудряшовой, Волгоград 2011, с. 150; *Большой толковый словарь донского казачества*, ред. В.И. Дегтярёв и др., Москва 2003, с. 139.

каўда я прывыкала разўаваривать <...> у них разўавор, такой, я ни панимала, но муш-то вапще разўаваривал па-русски харашо. Адин рас, помню, он ўаварит: «Ты, мам, с ней разўаваривай на рускам языке». Ну, а ана сказала мне: «Свет, на вот, лук пачисть». Ну, я чищю лук. Ана, видна, забыла, приходит и ўаварит: «Свет, ты цыбулю пачистила?». Какую цыбулю!? Саша патходит, я ўаварю: «Саш, ну, вот, лук пачистила, ищѐ какую-та цыбулю нада...» (Чисница С.А., станица Тепикинская).

У части украинцев – уроженцев данной местности ярко выражено предпочтение общаться только на диалекте. В этих случаях, как правило, отмечено соединение украинских и южнорусских черт:

Тодди ж раньшѐ едынолично ани жылы, мама жыла на Дурно́м пруде, а папа жыл на Бунином пруде, як хутора ще были. [неразб.] хутора там дáлеко они булы. Они ж едынолично жылы, у них жѐ скотына своя була, фсѐ свое було. Папа жанился теж на маме, и к трицатому ўоду – тут кулачане, в двацать девятому началы кулачить йих. У мени и дедушка, бабушка и дядя Петя поути-калы в Донбас, а папа з мамою приихалы сюда, в Семёноўку, дом перѐнѐслы, туточки построили и тут жылы,колы нѐ сталы, ужѐ по дѐсят, по двенацат лет нам стало (Корчакина М.И., село Семёновка).

Многие жители, имеющие предков – носителей украинского говора, переходят на русский язык с южнорусскими диалектными чертами звучания (аканьем, фрикативным «г» и др.) (в опросах и по-русски, и по-украински):

Вот, у миня с аобоих старон, я атсюду Асаченко, прадедушка мой был хахол. И разўаваривал па-хахлацки, па-хахлацки с прабабушкой, бабушка рассказывает. А с маминай стараны Михайленко. Тош хахлы (Иванова Д.В., село Большая Ивановка); *А сколько Вам рокив зараз?* – Я з двацать диватова ўоду. – *Вы тут живете и никуда не уезжали?* – Никуда, ничо. – *О, Ваши гуси на дорогу пошли!* – Ничо. Дале аны не выйдут. У нас тут село. А посереть села там праходит ричка. И вот, значить, ўаварят: «Та слабада», а эти, аттуда, ўаварят: «Эта слабада» (Повстовалов И.М., село Мачеха); *А во дворе шо Вы тремалы?* – Держала чѐ? Фсѐ держала: и каровы, парасята, и гуси, и ути – фсѐ держалы и щас держу овец, парасѐнка держу, утята, куры (Астафьева К.Е., село Семёновка); *А родители у Вас кто, украинцы?* – Аґа. – *А как сюда попали?* – Ани тутошныє. Чѐ? Как попали? Чѐво-чѐво – любов!! Подружылась, с Ванькой подружылась. Он атсюдава был. – *А дома как говорили, по-русски или по-украински?* – Па-хахлачи (Сахнова Т.И., село Мачеха).

Объясняется это неоднозначно: одни исследователи говорят о стремлении говорящего сделать свою речь более понятной, то есть о простом приспособлении информантов под собирателей; другие утверждают наличие на территории позднего заселения смешанных русско-украинских говоров; высказывается мнение, что «скрытое украинское (хохлацкое) меньшинство» в настоящее время находится в процессе интенсивной ассимиляции, «обрусения» (особенно младшее поколение)¹¹. Однако, по нашему мнению, с этим можно согласиться только отчасти. Факты речевого поведения представителей как старшего, среднего, так и младшего поколений в украинских и смешанных русско-украинских семьях, на которые указывают сами говорящие, свидетельствуют, как это видно выше, об обратном.

В то же время, факт обрусения нельзя, конечно, отрицать. Наряду с другими типами проявления языковой личности в пунктах со смешанным составом населения большинство составляют монолингвы. Это представители не только коренного, русскоязычного, населения – казачьего этноса, но и этнические украинцы из русско-украинских семей, которые считают себя принадлежащими к русскому народу, ассимилировались и на ментальном, и на речевом уровне:

А вот Вы сказали у Вас мама казачка, отец хохол, в Мачехе они жили. В семье как разговаривали, по казачьи? – Фсе па-русски. Нет, нет, па-русски, фсе па-русски. – Отец по-украински не говорил? – Не, не, не, раждённый тута, а дедушкин атец, деда моего отец, деда Степки моего отец, был сюда пирисилен с Украины таўда, а казаќи наши, они данские были, а таўда ш как земли стали казаќам давать, вот их пирисилили сюда, маво дедушку (Александрова А.В., хутор Калиновский).

Таким образом, можно говорить о функциональной многоплановости исследуемой славянской языковой личности, которая обнаруживается в определенных социально-коммуникативной условиях. Этнокультурная специфика региона поддерживается и более поздними миграционными процессами. Так, уроженцы Украины, переехавшие по разным причинам в Россию в 60–70-е годы прошлого века, время, охотно, не скрывая, говорят о своих этнических корнях:

---

¹¹ Л.М. Орлов, *Русский говоры Волгоградской области*, Волгоград 1984, с. 93; В.И. Супрун, *Коренное украинское население Поволжья и Подонья: от появления до перехода в статус скрытого меньшинства*, [в:] *Украинистика в России: история, состояние, тенденции развития: материалы Международной научно-практической конференции (г. Москва, 11–12 ноября 2009 г.)*, под общ. ред. А.А. Скрыпник, Киев–Москва–Уфа 2010, с. 126.

Вы сами родом с Украины, откуда? – Чиркаская область, Уманский район, село Качубеифка. – *Вы там родились, Ваша мама с папой, вся Ваша семья там жили?* – Да-да. – *Скажите, а вот в паспорте у Вас написано украинка?* – Да-да, я украинка, муш у миня русский. Он русский, а я украинка ...сюда приехала, я пряма стала харашо ужэ разуаваривать... как-та привыкла на эт язык, на русский. – *А там, на Украине, Вы больше говорили на своем родном, на украинском языке?* – Да-да (Сорока А.Е., станица Тепикинская); *Вы здесь родились?* – Нет, радилась я на Украине, Хмельницкая область, Ясловский раён, село Христофка. У матэри васьмая в симьи, нас была чытыри брата, чытыри систри. – *А как сюда попали?* – А сюда приихала, у мэнэ тут дядя жыл, мамин брат, я приихала в үости да дяди. Тут мэнэ панравилось. В шысят восьмом я тринацатова января приихала сюда. Я и осталася тут (Сохнюк А.П., село Мачеха).

Сохранению культуры, национальной самоидентификации личности способствуют многие другие элементы: фольклор (художественное, песенное, ремесленное и др. творчество), местные центры национальной культуры, традиционные народные праздники, обряды, национальная кухня и т.д. Изучение степени влияния данных реалий на сохранение языка меньшинства представляет особую область исследования.

Рассматриваемая в данной статье специфика проявления языковой личности в продуцируемых ею текстах может быть охарактеризована с помощью понятия «этнолингвистические скрепы» – системные и общезначимые, интерэтнические, признаки, выступающие в речевой цепи маркерами комплексного (полиэффекторного) механизма создания содержательно-смыслового единства высказывания в узуально непротиворечивой естественной среде общения, при сохранении, с одной стороны, связей единиц в рамках исходной лексико-семантической системы (в том числе за счет общевосточнославянских элементов), а с другой стороны, фактора открытости и проницаемости лексического уровня языка в процессе межъязыкового (междиалектного) взаимодействия. С учетом изложенного предлагается говорить о славянской языковой личности как феномене, обобщенно представляющем носителей языкового сознания славянских этносов, существующих в данном коммуникативном пространстве, в данное время, на данной территории (ограниченной административными рамками), проявляющих себя в стереотипах речевого поведения, продиктованных единством обиходно-эмпирического и социально-психологического опыта в сфере материальной культуры и различиями в исторически объективной и ситуативно субъективной картине бытия.